* * *

1

Как ты живёшь? Кем ты утешена?
Ты различаешь перед сном
Прожилки клёна облетевшего
В осеннем небе за окном?

2

Я обижал и сам был обижаем
И, медленно старея, привыкал
Довольствоваться скудным урожаем
Твоих упрёков и твоих похвал.

Колосья зреют – только мы не косим;
Всё осыпается, но равнодушны мы.
Где бабье лето, там мужская осень,
А дальше – что? Дыхание зимы.

Зашелестят снежинки в чистом поле,
И ты, отплакав поздно и тепло,
В Хамовники пойдёшь одна к Николе
И скажешь: «Слава Богу. Всё прошло...»

3

Немое угасанье сада...
Вода в граните всё темней,
Косые линии теней
По ней гуляют полосато
И оседают меж камней.

Сюда приходят горожане
Смотреть на сумерки Невы,
На отражённое дрожанье
Осенней ветреной листвы.

4

Когда священник отпоёт псалом,
Когда меня сожгут или засыплют,
Когда друзья за памятным столом
Не чокаясь, по первой выпьют,
Тогда...

5

Господи, покарай.
Не для меня – рай;
Господи, иже еси,
Только её
спаси...

* * *

Воспоминанья родственны деревьям.
Они теряют осенью листву,
И проступает остов прошлой жизни, –
Тот остров мёртвых, тот сухой рисунок,
Тот снимок сна, неясный наяву.

Но я воспоминаньями живу.

Они мои сады, леса, дубравы,
И – Боже правый! – как обнажены,
Как призрачно прозрачны их пространства,
И каменеют ветви на ветру...

* * *

Прозрачна осень, призрачна весна,
Рисунок сна осмысленно неясен
И тает, пополам перепоясан,
Ствол погружённого весла.

В тумане просыпаются озёра,
Затемнено сознанье фантазёра,
Ход времени в дыхании сквозит
И тень его по зеркалу скользит.

Но вы не отвергайте сгоряча
Неясности... Какую б роль играла
Сама расплывчатость меча
При перековке на орало?

* * *

Неповторимы древние цари.
И Рима стародавнее величье
В раскопах, склепах, мраморных обличьях
Неповторимо, что ни говори.

Высокий холод белых колоннад
Хранит воспоминания о Бахе,
О звуках, обретенных в смертном страхе,
Из тех, что валят с ног и полонят.

Но есть прозрение в конце пути,
Когда долги заплачены эпохе.
Ты понимаешь при последнем вздохе,
Что вспомнить – это значит обрести.

Ты сам становишься неповторим
И невозможен – как четвёртый Рим.

* * *

Между прибылью и убытком,
Между гибелью и рожденьем,
Между светом и мраком кромешным,
Равно
между святым и грешным –
Существует некая область
Равновесия всех стихий.

Прибыль в ней – приносит убыток,
Гибель в ней –
чревата рожденьем,
Ласки
суть орудия пыток,
А напиток из мрака и света
Делят
грешники со святыми.

Вот такая странная область.

Но иные – душевнобольные,
Правда, очень душевно больные, –
Называют её
искусством...

Похороны Рембрандта

Сосновый гроб – неструганое днище –
Сутулым волнам нелегко поднять.
Как нищие оплакивают нищих,
Вам, бюргеры, вовеки не понять.

Вино допито и погасли краски,
И Саския не тяготит колен
Узлы трагедии близки к развязке,
Дух отлетел, остались мрак и тлен.

Роль кончена; и как с лица актёра
Пора стереть с души телесный грим:
Глазное яблоко, ты – яблоко раздора,
Весь мир к тебе непримирим.

* * *

…И вот я говорю вам: время!
А что
Вы видите?
Да плоский циферблат
И тоненький прыжок секундной стрелки.

Я говорю вам: время, время!
А что
Вы слышите?
Да тот же бег секунд –
Как семечки, их щёлкает будильник.

Время, время, время, –
Я говорю себе
И вижу
Песочные часы пустыни
И слышу
Сердца собственного стук.

Не вечно сердце,
Но и ты, пустыня,
Не вечна тоже.

* * *

Литую льдинку, лёгкий амулет,
В лесном сугробе женщина находит
И, обернувшись, спрашивает вдруг:
– В какой руке?
– Пусть в этой.
– Вот и пусто!
Она протягивает мне другую руку
И тайну таянья
В ладони открывает.